

Изнанка Великой Цели

– Мама, жарко... – плакала в кроватке Алёнка.

– Тише, доченька, – уговаривала мать.

Мокрая от пота постель липла к телу, и Алёнка всё искала местечко сухое и прохладное.

Уже глубокой ночью проснулась Алёнка с бешено колотящимся сердцем. Ей в который раз снился сон, будто она бежит польской дорогой в знойный июньский день. И сначала бежится ей радостно и легко, а потом она чувствует, что-то будто подгоняет её и надо куда-то успеть, а дальше изнемогая от жары и усталости, она бежит от кого-то или от чего-то и оглянуться никак не может, а ноги будто деревенеют и отказываются бежать. Алёнка кричит, но не слышит себя и просыпается...

Мать перестилает кровать, переодевает Алёнку в сухое. И вынеся её в одеяле в холодные сени, тихонько гладит по русой голове.

– Ну, успокойся, маленькая.

Алёнкино дыхание постепенно становится ровным, она зевает и опускает голову на материнскую грудь.

– Спи, Алёнушка...

Сквозь не крепкий сон Алёнка чувствует, как её опускают в кроватку, и укрывают прохладным одеялом. Отпустить маму немного жаль, но подумать об этом времени уже нет, Алёнка засыпает.

– Неладно, что-то с Алёнкой-то, – тихонько сказала утром отцу мать.

– Поди чо, растёт...

– Вот и в школе говорят: «Шибко она у вас слабенькая, побольше витаминов нужно».

– Да уж куда больше-то? Всё своё, каждый день свежее, – возмутился невежеством отец.

– На юг, говорят, надо свозить.

– Может и надо, да одну-то как отпускать? Да и тебя тоже кто отпустит?..

– Может, осенью, попросим Владимира Игнатьевича, какоенибудь направление напишет, опять школа как?

Не первый раз начинали родители такой разговор, Алёнка слышала, но никак не выдавала себя, пока мама не подходила будить её.

– Пойдём мы к фельшеру, что ли? – наконец сказала отцу, будто извиняясь, мать.

– Видно, надо, – побледнев, согласился отец.

Алёнка, в валенках на-вырост, ставших почему-то вдруг ещё больше, в пальтушке тоже купленной «с запасом», но так почему-то и не ставшей к зиме впору, сидела на лавке у печи и гладила забравшуюся к ней на колени кошку. Та громко мурлыкала и всаживала в клетчатую ткань когти, с треском пуская искры. Алёнка смеялась и отдёргивала руку.

Фельдшерско-акушерский пункт был на полпути до школы, как раз посередине деревни. Пожилой фельдшер Владимир Игнатьевич поворачивал Алёнку, слушал, тёплыми мягкими ладонями прощупывал под мышками и на шее. Алёнке было щекотно, и она изо всех сил старалась не рассмеяться, казалось, что эту пропахшую лекарствами тишину нарушать никак нельзя. Владимир Игнатьевич, как всегда тяжело вздыхал в усы и просил Алёнку в очередной раз поворачиваться. Затем, велев матери одевать девочку, принялся что-то писать.

– Я вам направление напишу в больницу. Обследуют, анализы возьмут, там и определяют...

– Владимир Игнатьевич, а какая болезнь-то?

– Может сердечко? Не горюй, мамаша, растёт девочка-то, а сердчишко не успевает, вод годик-два пройдёт, а там и выправится, – искренне подбодрил седой фельдшер.

Пока мама разговаривала с Владимиром Игнатьевичем, Алёнка разглядывала лежащие на столике потрёпанные журналы «Здоровье» с загадочными рисунками и фотографиями врачей. На одной яркой цветной странице была нарисована красивая корзина с яблоками и грушами. Один мальчик с аппетитом ел яблоко прямо из корзины, а потом его везли в больницу, а другой мыл фрукты под краном и счастливо улыбался.

– Пойдём, Алёнка, – мама завязала ей шарфик, поправила воротник и они вышли.

– Мама, я, знаешь, почему заболела? – перекрикивая звонкий снежный хруст, спросила Алёнка, – я летом огурчики прямо с грядки ела не мытыми, и малину тоже не мыла.

– Ну, что, ты, у нас же всё и так чистое...

– А я сейчас в журнале видела.

И Алёнка рассказала о картинке. Мать грустно улыбнулась и потрепала её по шапке.

На следующей неделе мама повезла Алёнку в больницу в большое село. За автобусным окошком мелькали заснеженные поля, серые осиновые колки, снова поля...

– Мама, смотри, лиса, – крикнула Алёнка.

– Ой, смотрите, правда, лиса, – подхватила женщина сидевшая впереди них.

– Не боится, у самой дороги бегают, – удивился водитель.

– Воротник-от добрый, – оценил седобородый как Дед Мороз охотник Василий.

– Мама, а дедушка лисичку не поймает? – тихонько спросила Алёнка.

– Нет, она хитрая, убежит.

Алёнка всё смотрела в окно, надеясь ещё кого-нибудь увидеть. Но скоро у дороги появились длинные корпуса с загонами, и вяло жующими откармливаемыми бычками и тёлками, совсем не интересные. Навстречу проехал трактор с большой телегой наполненной парящим силосом. Всё чаще стали попадаться люди. Автобус въезжал в большое село.

Пассажиры засуетились, вставая и пропуская выходящих. Алёнка с мамой поднялись тоже.

Широкая улица казалась пустой, вышедшие вместе с ними, куда-то быстро исчезли, только они вдвоём всё шли и шли вдоль по улице. Алёнка разглядывала незнакомые палисадники, ограды и наличники, в общем, такие же, но всё равно другие. Прошли возле школы, уроки уже начались, и тут тоже было тихо. У магазина разговаривали три старушки, и Алёнка долго оглядывалась на них.

Приземистое деревянное здание отделения районной больницы, стоявшее чуть в стороне, появилось неожиданно. К зданию, между заснеженных сосенок вела неширокая расчищенная от снега дорожка. Дом Алёнке показался совсем не страшным, он даже ей понравился, был как на картинке в книжке.

Внутри так же густо, как и у Владимира Игнатьевича пахло лекарствами. Пройдя через регистратуру, мама и Алёнка оказались в светлом кабинете. Две женщины и мужчина в белых халатах долго читали направление, что-то писали, переговаривались вполголоса, негромко спрашивали что-то у мамы. Алёнка вертела головой разглядывая незнакомое помещение и терпеливо выполняла все, о чём просили...

– Ну, что же, мамаша, придётся оставить девочку. Обследуем и будем лечить, – наконец, закончив писать, сказал, глянув поверх очков, мужчина-доктор.

– А надолго? – испуганно спросила мама.

- Анализы сделаем, курс лечения пройдёт... Недели три, наверно...
- Так мы пойдём, я помогу устроиться, – мать поднялась со стула.
- Вы, потом догоните, задержитесь, пожалуйста, – настойчиво попросил доктор.
- Надя, проводи девочку, – обратился он уже к медсестре.

Алёнка всё смотрела на протянутую медсестрой руку, чужую узкую ладонь с тонкими против маминых пальцами и никак не решалась отпустить мамину и взяться за эту.

– Ну, что, ты, Алёнушка, сейчас тётя отведёт тебя в палату. Ты там поживёшь немного. Тебя полечат, а потом мы поедем домой, – наговаривала мама возле её уха.

Алёнка всё же разжала пальцы и осторожно коснулась этой узкой ладони. Она оказалась мягкая и тёплая, почти как у Владимира Игнатьевича, только нежнее и уютнее. Это успокоило Алёнку.

– Ну, Алёнушка, пойдём, – и голос тёти оказался мягкий и тёплый.

Алёнка шла рядом с медсестрой по светлому коридору, разглядывая незнакомые стены, окна и яркие снега за окном.

В палате было три кровати, на одной сидела девочка, постарше Алёнки и играла с куклой.

– Это у нас Валя, а это Алёнка, вместе поживёте, – познакомила их медсестра.

Когда в палату вошла мама, Алёнка сидела молча на кровати и болтала ногами. Мама как будто сильно уставшая, тоже молча, опустилась рядом с ней. Потом она медленно расстелила принесённое медсестрой постельное и посадила Алёнку обратно на кровать.

– Не плачь, мама, тут все хорошие, меня вылечат, и мы поедем домой, – глядя в окно, серьёзно сказала Алёнка.

И потянулись дни. За окном то валил пушистый снег, то завывала буря или сияли в лучах низкого солнца сугробы. Временами приходила мама, иногда вместе с отцом или бабушкой. Приносили что-нибудь вкусное, привезли любимые игрушки...

И только весной, в марте, когда с крыши навис отяжелевший в оттепели снег с бахромой сосуллек, Алёнку выписали.

Родители приехали за ней на запряжённой в сани с плетёным коробом колхозной лошади. Втроём, вместе с медсестрой, одели совсем похудевшую Алёнку, укутали её в шали и отцовский полушубок. Отец на руках тихонько вынес её из палаты, пронёс по коридору ко крыльцу, уложил в короб саней.

Воздух благоухал запахами: морозца и одновременно талого снега, соломы, которой было выстлано дно короба, резким живым запахом лошади. Все вместе они заполнили то, чего казалось уже и не осталось в мире, будто выжимая из Алёнки пропитавший всё больничный дух.

Мама расстелила на скамье одеяло, села сама. Отец уложил рядом с ней Алёнку, вдвоём они закутали её ещё и в одеяло.

– Ты, коня, меня не тряси, – тихонько попросила Алёнка, когда тронулись...

...В этом же годе, как сошли снега, совсем недалеко, на берегу речки Течи солдаты растягивали между вкопанными с осени железобетонными столбами колючую проволоку.

– Но, пошла! – привычным деревенским окриком гаркнул молоденький сержант на жадно хватавшую прошлогоднюю жухлую траву у самой воды, ошалевшую от первых вольных дней коровёнку...

Корова от неожиданности метнулась в сторону. Парень закурил, глядя на вспухшую с половодьем реку: «И за что мы тебя за колючку-то заключаем?»

С полей надувало теплом, в воде шуровала рыба, в деревне заиграла гармонь,
наступал тихий и благодатный весенний вечер.

А где-то в казахских степях готовили к испытанию нового «изделия» полигон,
доделывали бетонные укрытия для Высоких Гостей, расставляли обречённые
«Победы» и отслужившие своё «Тридцатьчетвёрки», докармливали последнее сено
покорным жертвенным баранам, коням и верблюдам...

А. Мурзин, 2004 – 2010гг.

Опубликована в альманахе «Тобол» в №1 за 2012 г.